

репрессивная политика по отношению к беспризорным детям, общество и власть стали врагами для них, все больше детей попадало в колонию, крестьяне отказывались от опеки над детьми, что соответствовало общему курсу советского правительства [12, оп.1. д. 120. л. 171].

Таким образом, в 1920-е г. советская власть стала другом для беспризорных детей. Однако, в 1930-е г. курс власти был изменен, официальной идеологией признавалось, что детская беспризорность побеждена. Все это повлияло в том числе на состояние проблемы детской беспризорности в Самарском крае.

Библиографический список

1. Детская беспризорность в РСФСР и борьба с ней. // Борьба с детской беспризорностью. / Под ред. Перель Я. А., Любимова А. А. М., 1932. С. 18.
2. Ионова В.Я. педагогические высказывания Ф.Э. Дзержинского и его борьба с детской беспризорностью в СССР, Автореф. дис. ...канд. пед. наук. Омск., 1950. 17 с.
3. Крупская Н. К. К вопросу о морально-дефективных // На путях к новой школе. 1923. №9. С. 151.
4. Кудряшев А.В. Из истории преодоления детской безнадзорности в Москве 1920-х гг. // Вестник МГПУ. 2014. №2(28).
5. Мекаччи Л. Беспризорные: бродячее детство в Советской России (1917-1935) / Пер. с итал. И. Боченкова. СПб., 2023. 368 с.
6. Рожков А. Ю. Беспризорники // Родина. 1997. №9. С. 70-76.
7. Славко А.А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М., 2005. 175 с.
8. Трошин Г. Антропологические основы воспитания. Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей. Т. 1. Процессы умственной жизни. С.11.
9. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-ые годы: город. М., 2008. 336 с.
10. Центральный государственный архив Самарской области. (ЦГАСО). Ф. Р.52.
11. Центральный государственный архив Самарской области. (ЦГАСО). Ф. Р.758.
12. Центральный государственный архив Самарской области. (ЦГАСО). Ф. Р.828.

В.С. Кухорев

Самарский национальный исследовательский университет

ОБЪЕДИНЕНИЕ «ОГОНЕК» В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКОГО ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА 1930-Х ГОДОВ

История советского издательского дела 1930-х гг. остается недостаточно изученной в аспекте функционирования конкретных учреждений на центральном уровне. Несмотря на наличие специальных работ [2, 3, 5], институциональная механика работы центральных издательств требует архивной верификации. Актуальность анализа деятельности журнально-газетного объединения (ЖГО) «Огонек» определяется его ролью в реализации по-

литики типизации издательской системы, провозглашенной постановлением ЦК ВКП(б) «Об издательской работе» от 15 августа 1931 г. [4]. Цель статьи — реконструкция организационных, кадровых и финансово-хозяйственных процессов в «Огоньке» на основе документов его правления.

Материалы архивов обеспечивают комплексное представление о деятельности учреждения. В исследовании использованы приказы по издательству [1, оп. 1, д. 8, 13, 16, 35]; протоколы заседаний правления [1, оп. 1, д. 11]; списки личного состава [1, оп. 1, д. 12]. Их ценность заключается в фиксации ежедневной практики управления, что позволяет избежать обобщений, основанных исключительно на нормативных актах высшего уровня.

В феврале 1930 г. акционерное общество «Огонек» было преобразовано в типовое издательство массовых журналов решением Комитета по делам печати при НКТорге СССР [1, оп. 1, д. 11, л. 2]. Перед учреждением ставилась задача концентрации массовой научно-популярной и общественно-политической периодики, журналов, издаваемых добровольными организациями. К марту 1930 г. правление утвердило проект расширения производственных мощностей: планировалось увеличить листаж с 400 до 500 млн оттисков, а выпуск продукции — в 4–5 раз по сравнению с 1930 г. за счет строительства типографии (900 тыс. руб.) и закупки оборудования (600 тыс. руб.) [1, оп. 1, д. 11, л. 3]. Реализация, однако, задержалась, несмотря на признание отсталости собственной полиграфической базы (до 60 % продукции печаталось на стороне), Комитет по делам печати отказал в выдаче лицензий на импортное оборудование, сославшись на общую урезку полиграфического импорта [1, оп. 1, д. 11, л. 4, 8]. Вероятней всего, строительство сдерживалось больше бумажным кризисом, отсутствием валюты на импорт оборудования [1, оп. 1, д. 11, л. 3, 4]. Параллельно затягивалась передача изданий от добровольных обществ (МОПР, Осоавиахим), к октябрю 1930 г., накануне подписной кампании 1931 г., правление направило срочное обращение с требованием срочно передать 30 запланированных изданий [1, оп. 1, д. 11, л. 22]. Задержки отражали не столько волю конкретных структур, сколько действие общеотраслевых ограничений.

В 1931 г. АО «Огонек» было реорганизовано в Журнально-газетное объединение (ЖГО) [1, оп. 1, д. 13, л. 52]. В рамках перестройки внутренней структуры с сентября 1931 г. массово-тиражный сектор был разделен на пять специализированных групп: техническую («За рулем», «Изобретатель»), литературную («Литературная газета», «Журналист»), общую («Огонек», «Друг детей»), книжную (библиотечные серии) и иностранную («Московские новости», «Das Wort») [1, оп. 1, д. 13, л. 64]. Уже в октябре создан отдельный Иностранный сектор, в задачи которого входило руководство зарубежной работой редакций, подбор корреспондентов внутри и за пределами СССР и содействие в налаживании связей с иностранными изданиями [1, оп. 1, д. 13, л. 60]. Такая специализация отражала переход от универсальной издательской модели к строго функциональной — с ответ-

ственностью каждого руководителя за выполнение тиражного плана, качество и реализацию в своей группе.

На 01.10.1930 г. в «Огоньке» насчитывалось 290 сотрудников, распределенных по 25 подразделениям; крупнейшим по численности (14 чел.) было техническое бюро [1, оп. 1. д. 12. л. 2–8]. С марта 1931 г. введена дифференцированная система окладов: редакторы и заведующие секторами получали от 275 до 600 руб. в зависимости от тиража и профиля издания [1, оп. 1. д. 13. л. 12–14]. В июне того же года внеочередные собрания, отвлекающие от производственных задач, были запрещены, а сокращенный рабочий день для обучающихся на вечерних курсах отменен, несмотря на декларируемую в 1930 г. цель «повышения политико-культурного уровня» [1, оп. 1. д. 13. л. 33; д. 8. л. 5]. Сдвиг в кадровой политике отражал приоритет плановой дисциплины над просветительскими задачами.

Дисциплинарная практика в ЖГО жестко коррелировала с ростом централизации, так с 1932 г. однодневная неявка без уважительной причины приводила к увольнению с лишением продовольственных карточек и служебного жилья [1, оп. 1. д. 16. л. 66]; за самовольное изъятие рекламных объявлений редакции несли материальную ответственность [1, оп. 1. д. 16. л. 25]. Фактические ошибки также карались строго, описан случай, когда в 1936 г. за ошибочную подпись под снимком целый тираж был изъят из печати, трем сотрудникам объявлен строгий выговор, двое понижены в должности [1, оп. 1. д. 16. л. 16]. При этом поощрения также сохранялись, за выполнение плана редактор «Das Wort» В. Брадель получил путевку в санаторий [1, оп. 1. д. 16. л. 17]. Система сочетала административные меры с материальным стимулированием — оба инструмента были направлены на обеспечение плановой и технической дисциплины.

Реклама рассматривалась как ключевой инструмент самофинансирования издательства. В 1930 г. обществом «Гонец» был заключен договор на размещение рекламы на 1 млн руб. в год, однако за первое полугодие выполнение составило 40 тыс. руб., что привело к прекращению сотрудничества [1, оп. 1. д. 11. л. 2]. С февраля 1932 г. рекламная деятельность была включена в систему выполнения директив о хозрасчете и внутренних накоплениях, в приказах она определялась как «один из основных путей выполнения директив партии и правительства о собственных накоплениях» [1, оп. 1. д. 16. л. 15]. Ответственность за неисполнение плана закреплялась административно как за нарушение обязательств по промфинплану и политический проступок.

Материалы ГАРФ фиксируют трансформацию «Огонька» из акционерного общества в инструмент централизованной издательской политики. Реорганизация 1931 г., создание специализированных секторов и жесткая дисциплинарная практика отражали общесоюзные тенденции подчинения печати задачам индустриализации и идеологического контроля. Однако противоречия между плановыми установками (наращивание листаж, стро-

ительство типографии) и ресурсными ограничениями (дефицит бумаги, ограничение импорта) снижали эффективность управления.

В мае 1938 г. Журнально-газетное объединение «Огонек» было расформировано. Директивные органы сочли дальнейшее существование централизованного издательства нецелесообразным ввиду достигнутого уровня технической оснащенности полиграфической базы и развития кадрового потенциала издательского дела на местах [1, оп. 1. д. 35. л. 28].

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-299.
2. Иванов А. А., Петров О. М. Из истории зарождения и становления печатного дела в Республике Марий Эл (конец XIX – первая треть XX в.) // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6. № 2.
3. Ламосова Н. В. Становление издательского дела на Дону и Кубани (1920–1930-е годы) // Исторический архив. 2011. № 1 (39).
4. Постановление ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 г. «Об издательской работе» // Правда. 1931. 3 сентября. № 243.
5. Филимончик С.Н. Книжное дело в Карелии в 1920–1930-е годы // Гротовские чтения. 2020.

А.А. Гафуров

Ульяновский государственный педагогический университет

ТРУДНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ РАБОТЫ, ПРОВОДИМОЙ ОСОАВИАХИМ В УЛЬЯНОВСКЕ В 1930-Е ГГ.

К 1930 г. опытные мобилизации стали частью повседневной жизни в СССР, Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР (ОСОАВИАХИМ) было ключевой структурой по организации данной работы, которая объединила все разрозненные оборонно-массовые общества и вела их к единой концепции подготовки [7, с.107]. Начиная с 1926 г. стала выстраиваться система мобилизационного планирования, в 1927 г. была проведена «военная тревога». Но, несмотря на кажущуюся легкость выстроенных процессов, введение четких инструкций [3, л. 68 – 83] организационных трудностей было достаточно. Причем возникали они по самым разным причинам.

Одной из форм проверки мобилизационной готовности были мобилизационные игры, которые зачастую производились совместно с ОСОАВИАХИМ. Но одной из частых проблем была дискommunikация между отделениями. Так, летом 1929 г. Мелекесцы сорвали соревнование кружков военных знаний, обосновывая тем, что даже не знали о их проведении [2, л. 48об].

Подобные срывы мероприятий не были частной практикой, документы свидетельствуют о их системном характере. Так, курсы переподготовки для